

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ¹⁷

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Астраханский государственный университет
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный
сотрудник
Астраханский государственный университет
Российская Федерация 414056, Астрахань, г. Татищева, 20а
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Рогов Александр Владимирович, главный специалист
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: alexr.89@mail.ru

Термин «культурная безопасность» в последние десятилетия входит в научную сферу не только западной гуманитаристики, но и отечественной науки. Проблемы военной безопасности начинают дополняться исследованиями безопасностисоциетальной сферы в работах ученых Уэльской, Копенгагенской и Парижской школ. Система культурной безопасности является ответом на вызовы и риски культуре современного общества. Будучи весьма сложной и комплексной, она охватывает различные сферы жизни общества и может иметь особые характеристики в разные исторические эпохи. Состояние этих сфер может служить своеобразным индикатором культурной безопасности. Поскольку мы исследуем культурную безопасность поликультурного фронтирного региона Юга России, мы предлагаем выделить следующие индикаторы культурной безопасности: уровень устойчивости коллективной культурной идентичности; состояние культурного наследия и культурной памяти региона; устойчивость собственной культуры по отношению к «чужой»; уровень безопасности в условиях цифровой культуры; место института семьи в безопасном пространстве культуры. В основе данной работы лежит анализ проведенных социологических исследований, направленных на выявления проблемных зон в тех сферах культуры, которые являются индикаторами культурной безопасности региона. Исследования были проведены среди астраханской студенческой молодежи, поскольку в современную цифровую эпоху именно ее культурные паттерны подвергаются наибольшему риску.

Ключевые слова: культурная безопасность, молодежь, индикаторы, социологические исследования, культурное наследие, культурная идентичность.

CULTURAL SECURITY OF THE ASTRAKHAN REGION FROM THE PERSPECTIVE OF YOUNG PEOPLE¹⁸

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

¹⁷Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект №15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

¹⁸The work is executed at financial support of RFBR project No. 15-33-11172a (C) "Cultural security in the conditions of heterotopias".

Topchiev Mikhail S., Ph.D. (Politics), Senior Researcher
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Rogov Alexander V., Chief Specialist
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alexr.89@mail.ru

The term "cultural security" is included last decade in the domain of science, not only of Western Humanities, but in Russian investigations. Problems of military security are beginning to be complemented by studies of the safety of societal spheres in the works of scholars of Wales, Copenhagen and Paris.

Cultural security is a response to the challenges and risks of contemporary society and culture. Being a very complex and comprehensive, it covers various aspects of society and can have special characteristics in different historical periods. The condition of these areas can serve as an indicator of cultural security. As we explore cultural security of frontier multicultural region of Southern Russia, we propose to allocate the following indicators of cultural security: the level of sustainability of collective cultural identity; the state of the cultural heritage and cultural memory of the region; sustainability of their own culture against "alien"; the level of security in the context of digital culture; the place of the institute of family in a safe cultural space. The basis of this work is the analysis of sociological surveys aimed at identifying problems in the areas of culture, which are indicators of cultural security in the region. The study was conducted among the Astrakhan students, because in today's digital era their cultural patterns are most at zone of risk.

Keywords: cultural security, youth, indicators, social research, cultural heritage, cultural identity

Проблема безопасности становится все более актуальной и комплексной в наши дни. Это связано не только с напряжением международной обстановки и постоянными локальными войнами и конфликтами. Современное представление о безопасности выходит далеко за пределы ее международных аспектов. В основе любой концепции безопасности лежит совокупность угроз государству, сообществам и индивиду в определенный момент времени, от которых они вынуждены защищаться. В процессе цивилизационного развития угроз не становится меньше, они видоизменяются и смещаются в социетальную область. Появляются новые угрозы, связанные с последствиями технического прогресса, социокультурными деформациями, неуправляемыми политическими процессами и т.д. Все они требуют пристального внимания исследователей, поскольку практические шаги достаточно сложно предпринимать без всестороннего изучения проблемы.

Что же такое безопасность с позиции понятийного анализа, это состояние или комплекс действий, мер по ее обеспечению?

Большинством исследователей «безопасность» рассматривается как *состояние*: состояние *бытия* без угрозы или вреда [1], состояние *свободного выбора* и *осуществления* группой, общностью, народом, нацией своей стратегии международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития [2], состояние *устойчивого функционирования и воспроизводства* социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды [3].

Состояние *без опасности* – это, прежде всего, состояние *защищенности* от целого спектра внутренних и внешних угроз: ядерной атаки, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. [4]. Именно это зафиксировано в «Законе РФ о безопасности» и в серии энциклопедических статей [5]. Состояние *без опасности* – это состояние устойчивости как системы в целом, так и отдельного индивида, которая включает в себя «совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости» [6].

Понимается безопасность и как некая человеческая активность на различных уровнях – от личности до государства и человечества в целом, направленная на вы-

явление (изучение), предупреждение, ослабление, устранение (ликвидацию) и отражение опасностей и угроз, способных погубить их, лишиться фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития [7, с. 17]. Таким образом, мы видим, что спектр определений безопасности достаточно широк: от состояния (бытие без угроз, устойчивость, защищенность, свободный выбор) до деятельности (человеческая активность).

Безопасность представляет собой комплексный, многогранный феномен. Некоторые исследователи выделяют три основные сферы изучения безопасности. Одно направление – это подход к безопасности как к многоаспектному состоянию, второе – как к многогранному представлению о том, каким должно быть такое состояние и каково оно на самом деле, третье – как к цели [8].

При нашем подходе к безопасности мы рассматриваем безопасность как явление комплексное: с одной стороны это определенное состояние, а с другой – человеческая активность по обеспечению этого состояния. Учитывая этот фактор, мы можем говорить об объективных характеристиках, показывающих уровень безопасности и о субъективном его восприятии, т.е. ощущаем ли мы себя в опасности или нет.

Объективно состояние безопасности обуславливается комплексом мер, принятых государством, сообществом или единичными лицами для защиты себя от определенного рода угроз. Субъективное восприятие безопасности связано с восприятием себя в состоянии *без опасности* и угроз на любом из уровней безопасности: планетарном, государственном, национальном, городском, региональном, индивидуальном. И это осознание зависит от многих факторов, в том числе и временных, культурных или же вообще манипулятивных. Мы можем ощущать угрозу там где ее нет, и субъективно воспринимать ситуацию как опасность, при условии массивированной кампании в СМИ (миллениум, пандемия свиного и птичьего гриппа и т.д.).

Каждая эпоха формирует не только свои вызовы и риски, но и свое восприятия людьми безопасности в том или ином историческом и культурном контексте, то, что С.А. Панарин назвал историчностью безопасности [9]. Причем мир воспринимался более или менее опасным не только в различные эпохи, но и разными поколениями и разными слоями общества в одну и ту же культурную эпоху. Так например, в сталинские времена, те слои общества, которые непосредственно под репрессии не попадали, воспринимали действительность как безопасную. В советское время как безопасную воспринимала жизнь, прежде всего молодежь. В современную же цифровую эпоху именно молодежь, пропадая в интернете, становится объектом информационных вызовов, и именно ее культурные паттерны подвергаются наибольшему риску. В силу этого нас интересовало восприятие своего существования как безопасного / небезопасного, молодежью фронтального полиэтничного региона Юга России.

Культурная безопасность как предмет исследования. Проблема безопасности достаточно давно обсуждается в мировом и отечественном научном сообществе. Первоначально безопасность дефинировали как военную и относили эту проблематику к сфере международных отношений [10]. Традиционный для проблемы безопасности подход исходил из того, что основным объектом, как, впрочем, и основным гарантом безопасности, является государство.

Изменения в системе международных отношений после окончания «холодной войны», глобализационные процессы, возникновение новых угроз и вызовов обусловили появление новых теоретических подходов к осмыслению безопасности. Альтернативу традиционному пониманию данного концепта представляют положения так называемых «критических исследований» (*critical security studies*). Они перемещают акценты решения вопросов безопасности из плоскости международных отношений в плоскость социально-культурной проблематики. С этого момента мы можем говорить о полноценном вхождении в научный оборот понятия культурная безопасность, несмотря на то, что термин этот употребляется в западной научной литературе уже более столетия [11].

В Европе, с известными оговорками, данный подход разделяют три научные школы: Уэльская (валлийская), Копенгагенская и Парижская.

Работы представителей так называемой *Уэльской (валлийской)* школы безопасности (Booth K, Jones R.W.) одними из первых сместили акцент в объяснении вопросов безопасности от военных в сторону социальных проблем. В основе концепции основоположников Уэльской школы лежат – гобсовский подход к государству, теория эмансипации, опирающаяся на кантовское понимание свободы, а так же постулаты Франкфуртской школы. С токи зрения Кена Бута безопасность сама по себе не имеет ценности без фактора свободы для всехакторов процесса. Для Бута безопасность не состояние или действие, она имеет «инструментальную ценность». При этом он осознает сложность не только формирования этого инструмента, но даже процесса определения понятия «безопасность». «Если мы не можем даже дефинировать безопасность, то как мы можем когда-либо надеяться ее достигнуть?» [12, р. 317].

Еще более близко подошли к пониманию безопасности как состояния зависящего от культурных процессов, представители *Копенгагенской школы* (BarryBuzan, OleWæver, JaapdeWilde.) и т.д. Барри Бузан и Оле Вевер выделили пять направлений современного исследования безопасности: военный; политический; экологический; экономический и социальный. Нас естественно интересует последний, поскольку именно в рамках этого аспекта стало развиваться понятие культурной безопасности.

Под социальной составляющей безопасности представители Копенгагенской школы понимают, прежде всего, «масштабную коллективную идентичность», которая может функционировать не независимо от конкретного государства, такую как например, нация или религия. [13, р. 22–23]. И здесь авторы нащупывают основную онтологическую проблему культурной безопасности. Если с традиционно понимаемой военной безопасностью вроде бы все ясно – есть факторы защиты от угроз и мероприятия превентивного характера, то как определить, *чем* являются изменения в коллективной идентичности – ересью, несущей угрозу ее существованию или необходимым этапом ее развития. «Способность сохранять поддерживать и воспроизводить язык, совокупность поведенческих традиций или концепцию этической чистоты – все это можно рассматривать в терминах безопасности» [13, р. 23]. Собственно связанной с обществом и культурой в широком смысле является и концепция секьюритизации, предложенная копенгагенской школой и до сих пор обсуждаемая научным сообществом. В основе этой концепции лежит гипотеза о том, что «безопасность» является социальным конструктом и для того чтобы какая-либо проблема попала в сферу интересов, касающихся безопасности, она должна быть артикулирована определенными влиятельными акторами – государством, политическими партиями, гражданским обществом – как экзистенциальная угроза. Но этого недостаточно, угроза должна быть воспринята принимающей стороной как таковая. Таким образом, по мнению представителей копенгагенской школы, процесс секьюритизации, имеет прежде, всего дискурсивную основу, а значит принадлежит не только сфере политического, но и области культуры.

Именно основываясь на работах Оле Вевера [14] Скотт Форрест предложил трактовку понятия культурной безопасности (culturalsecurity) как «способности общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [15].

Еще большую роль играет культурный контекст в осмыслении безопасности в *Парижской школе* (D. Bigo, J. Huysmans), сформированной в конце 1980-х гг. вокруг профессора Института политических наук Д. Биго и издаваемого им журнала *Cultures & Conflicts*. Главным фактором проблемы безопасности в рамках данной школы становится проблема коллективной культурной идентичности, которая подвергается деформации в процессе активизации неуправляемой миграции.

Биго формулирует понятие «континуум безопасности», тесно взаимосвязывающее комплекс угроз, как то нелегальная иммиграция, организованная преступность, наркоторговля и терроризм [16].

Основываясь на данном понятии, Биго определяет культурную безопасность как «способность социума поддерживать его уникальный характер в меняющихся условиях или присутствии потенциальных миграций. Более всего это относится к устойчивости необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в общем» [17]. С его точки зрения основную опасность может представлять как массовый импорт чужой материальной культуры, так неуправляемые миграционные потоки.

Таким образом, сторонники всех трех школ существенно расширяют рамки безопасности (включая в это понятие помимо военной, также экологическую, экономическую, политическую и общественную), а в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы и даже биосферу.

В отечественной литературе всплеск интереса к проблематике культурной безопасности наблюдается в последние 10 лет. Исследования в этой области можно разделить на несколько направлений. Наиболее разработанная сфера, это проблематика, связанная с ролью культуры и культурной политики в сфере национальной безопасности. Этим процессам посвящены публикации С.Я. Ковганова С.А. Бокерия, Н.В. Соколовой, Р.П. Кошкина, А.В. Костиной, Е.Н. Сюткиной, О.П. Герасимович, А.В. Бабаевой, Н.В. Шмелева, Н.Ш. Малакшиновой, Б.Б. Цыбикова и др.

Отдельное направление исследований составляет изучение безопасности культурного наследия, связанное не только с варварским разрушением памятников, но и сферой законодательного сопровождения этой области культуры. В этом направлении работают Г.Б. Лялькина, А.Д. Овсянкин, В.И. Юдин, Н.В. Галицкая, Е.Л. Щукина и др.

Собственно термин «культурная безопасность» становится базовым и выносится в заголовки целого ряда публикаций Грицковым Ю.В., Караченцевой Т., Щукиной Е.Л., Голобородько А.Ю., Ширяевым В.П., Сергеевым В.В. Крапивенским А.С., Коломок О.И., Зениной Н.В., Абрамовой Н.А., Ларионовой М.Ч., Лузиной Т.В., Елфиновой О.С., Андриюшенковой О.М., Узловой Н.В., Богдановой В.П., Оврутской Г.К.

Но, несмотря на количество публикаций, и здесь мы солидарны с другими исследователями [18; 19], теория культурной безопасности как в отечественной науке, так и в зарубежной еще недостаточно концептуализирована. В основном, кроме публикаций В.П. Ширяева, выделяющего методологические круги исследования культурной безопасности, большинство исследований использует этот термин в прикладном аспекте.

Давая определение культурной безопасности, исследователи часто определяют ее весьма расплывчато: либо как «социальный термин, который отражает социокультурные возможности общества и его членов, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы), и создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [20], либо как «форму безопасности, которая включает социокультурные ресурсы общества, направленные на преодоление рисков и угроз для культурно-духовного состояния общества и духовной культуры его членов» [21]. Некоторые исследователи считают культурную безопасность важнейшей частью информационной безопасности [22].

Мы считаем, что понятие культурной безопасности, хоть и является достаточно широким и спорным, включает в себя целый ряд специфических характеристик, которые могут стать индикатором устойчивости той или иной культуры.

3. Индикаторы культурной безопасности. С нашей точки зрения, концепция культурной безопасности более широка и рассматривает культуру не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (как-то: предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных

памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом способствует ее стабилизации. Таким образом, система культурной безопасности нацелена и на сохранение и на защиту культуры одновременно.

Для того чтобы определить уровень культурной безопасности специалисты выделяют ее базовые измерения, индикаторы, которые показывают уровень сохранности культуры определенного сообщества.

Эти индикаторы в рамках каждого исследования могут варьироваться. Например, в связи изучением культурной безопасности в Иране, группа исследователей (Iranpoor S., Rashidpoor A., Etebarian A., Fadavi M.S.) выделяет пять основных сфер, состояние которых показывает уровень культурной безопасности: международный туризм, культурное наследие и институты сохранения культуры, сфера культурных обменов и коммуникаций, сфера культурного потребления, экономика культуры [23, р. 310]. Другие исследователи (Saroukhani B., Naderi A.A.) опять-таки в рамках измерения культурной безопасности Ирана, предлагают несколько иной набор ее индикаторов: социальная дезорганизация; социальный капитал; культурный капитал; социальная поддержка [24, р. 189].

Российский исследователь В.П. Ширяев, пытаясь выявить теоретические основы и методологические принципы исследования проблем культурной безопасности, считает что необходимо подойти к предложению конкретных вариантов редукции понятия «культурная безопасность» к эмпирическим индикаторам. Он выделяет следующие индикаторы состояния культурной безопасности и рассматривает их как «остро специфичные»: внутренняя социокультурная стабильность; внешние условия культурной устойчивости; преодоление глобального культурного кризиса; обеспечение локальной культурной безопасности [19, с. 16].

С нашей точки зрения все предложенные индексы носят глобальный характер, применимый скорее к культуре национального уровня. Поскольку мы исследуем культурную безопасность поликультурного фронтального региона Юга России, мы предлагаем выделить следующие индикаторы культурной безопасности:

- Уровень устойчивости коллективной культурной идентичности;
- Состояние культурного наследия и культурной памяти региона;
- Устойчивость собственной культуры по отношению к «чужой»;
- Уровень безопасности в условиях цифровой культуры;
- Место института семьи в безопасном пространстве культуры.

Данные индикаторы мы выделяем ориентируясь как на мировой опыт исследований, так и с учетом специфики региона.

4. Состояние региональной культурной безопасности с точки зрения молодежи. В данном случае, нас интересует, прежде всего, субъективное восприятие этих процессов астраханской молодежью. Центром социологических исследований Астраханского государственного университета было проведено исследование с целью определения уровня информированности представителей студенческой молодежи о направлениях культурной безопасности современного российского общества. Объем выборочной совокупности составил 360 студентов – жителей города Астрахани и Астраханской области, из которых 50 % – студенты первого курса бакалавриата АГУ, 50 % – студенты четвертого курса бакалавриата АГУ; 48,2 % – юноши, 51,8 % – девушки. Выборка: целенаправленная, квотированная по полу, курсу и факультету обучения. Метод получения первичной социологической информации: разработанное анкетирование. Погрешность выборки – 3 %. Матрица исследования разработана авторами исследования. Обработка и анализ данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21. Анализ данных включал линейное распределение ответов респондентов на вопросы анкеты, осмысление параметров таблиц сопряженности. В ходе анализа полученных данных были установлены основные индикаторы культурной безопасности региона, выявлены проблемы города

и области, касающиеся культурной политики региона, требующие первоочередного решения, определены направления трансформации культурных и конфессиональных традиций в регионе. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов.

Поскольку Астрахань всегда оказывалась зоной повышенной миграционной активности, то нас интересовало отношение молодежи к этим процессам и их восприятие (или невосприятие) мигрантов как угрозы культурной безопасности. Как видим, только половина опрошенных видит в мигрантах угрозу культурной безопасности, что говорит о некотором снижении напряженности по сравнению с 2013–2015 гг. Только 28,6 % опрошенных считают, что идут процессы по изменению культурных и конфессиональных традиций.

Рис. 1. Как Вы считаете, несут ли мигранты угрозу культурной безопасности региона? (%)

Но, тем не менее, мигранты и их анклавизация, не влияя кардинально в данное время на трансформацию коллективной культурной идентичности региона, которая сама по себе является многокультурной, оказывают влияние на субъективное ощущение безопасности молодежи в городском пространстве. Больше половины опрошенных считают, что в городе есть опасные места, и они совпадают с анклавными поселениями мигрантов. И только 25 % опрошенных ощущают себя комфортно в этих районах в любое время суток.

Рис. 2. Как Вы считаете, есть ли в нашем городе места, которые Вы считаете опасными для посещения? (%)

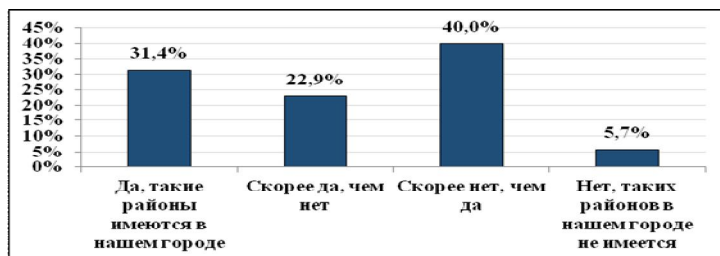

Рис. 3. Как Вы считаете, есть ли в нашем городе районы компактного поселения определенных этносов (городские анклавы)? (%)

Второй индикатор, связанный с культурным наследием и культурной памятью, в городе воспринимается как достаточно благополучный. Молодежь в принципе не очень опасается за состояние культурного наследия, видя, что в этом плане в городе работа ведется. Причем 85,7 % опрошенных считают себя осведомленными не только о состоянии культурного наследия, но и о его содержании, что говорит о поддержке культурной памяти.

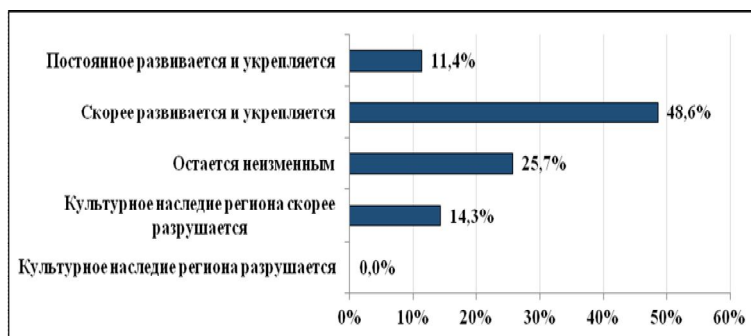

Рис. 6. Как Вы можете определить состояние культурного наследия региона на данный момент?

Самым проблемным является индикатор устойчивости собственной культуры по отношению к «чужой», и это не культура мигрантов, а американская культура. 80 % опрошенных считают, что доминирование имеет место.

Рис. 7. Как Вы считаете, ощущается ли в современном российском обществе доминирование западной (американской) массовой культуры?

Ощущает себя молодежь незащищенной и в сети интернет, как в сфере бесконтрольного использования своих персональных данных, так и в отношении агрессивных сетевых организаций.

Рис. 8. Как Вы считаете, наличие Ваших персональных данных в сети Интернет делает Вас незащищенным человеком ? (%)

Рис. 9. Как Вы считаете, наличие Интернета и социальных сетей дает Вам чувство защищенности? (%)

Единственной сферой, в которой опрошенные чувствовали себя почти безоговорочно защищенными, стала семья, которая в поликультурном фронтальном регионе пока выполняет функции сохранения культурных традиций.

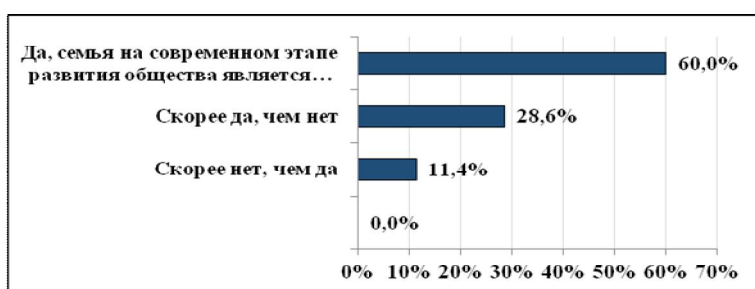

Рис. 10. Как Вы считаете, семья на современном этапе развития общества выступает фактором безопасности (является безопасным местом)? (%)

Таким образом мы видим, что ситуация в сфере культурной безопасности в Астраханской области пограничная. С одной стороны, в силу традиционной поликультурности региона есть сферы, которые молодежь считает относительно безопасными и пока не подвергающимися тотальной деструкции: семья, культурное наследие, культурные традиции. Однако, тем не менее, больше половины опрошенных видят угрозу культурной идентичности в неконтролируемой миграции, в доминировании чужеродной американской культуры, в экспансии интернет культуры.

Предполагается, что дальнейшие исследования в области культурной безопасности прежде всего будут развиваться именно в этих сферах. Мы понимаем, что естественные процессы культурного развития являются объективным фактором человеческого существования, но возможно выделить в этих рамках целенаправленные деструктивные факторы, механизмы которых нуждаются в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Caldwell D., Williams R. E. Jr. Seeking Security in an Insecure World / D. Caldwell, R. E. Jr. Williams. – New York: Rowman&LittlefieldPublishers, 2012.
2. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. – Москва: 1999.
3. Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере / Л. Перепелкин // Конфликт – диалог – сотрудничество. 2000, (2). – С. 9–13.
4. Возжеников А. В. и др. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России / А. В. Возжеников и др. – Москва: Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, 2008.
5. Яновский Р. Г. Безопасность. Глобалистика: энциклопедия / Р. Г. Яновский. Москва: 2003.
- Бабосов Е. М. Безопасность. Энциклопедия социологии / Е. М. Бабосов. – Москва: Книжный Дом, 2003.

6. Молчановский В.Ф. Безопасность – атрибут социальной системы / В. Ф. Молчановский // Анализ систем на пороге 21-го века: теория и практика: материалы международной конференции. – Москва: Интеллект. 1997. – С. 170-177.
7. Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И. Безопасность России и армия / В. В. Серебрянников, Ю. И. Дерюгин, Н. Н. Ефимов, В. И. Ковалев. – Москва: 1995.
8. Зотова О. Ю. Безопасность России / О. Ю. Зотова // Живая психология – Режим доступа: http://gosfc.ru/upload/media/journal_lp/01_Paper_LP_2014.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Панарин С.А. Безопасность как историко-культурная категория / С. А. Панарин // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации : материалы международной конференции: Москва, 15–16 октября 2012 г. / [науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшванский]; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. – Иваново: Иван.гос. ун-т, 2013. .
10. Юрин А.Н. К понятию безопасность: кто и как определяет угрозу сегодня? / А. Н. Юрин. – Режим доступа: <http://regional-dialogue.com/ru/security/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Albro Robert. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security / RobertAlbro. – Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>, свободный. – Заглавиесэкрана. – Яз. рус.
12. Booth Ken. Security and Emancipation / Ken Booth // *Review of International Studies*. – 1991. – Vol. 17, No. 4. – P. 313-326.
13. Buzan Barry Wæver, Ole, De Wilde Jaap. Security: A New Framework for Analysis Lynne Rienner Publishers / Buzan Barry Wæver, Ole De Wilde Jaap. – 1998.
14. Weaver O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe / O.Weaver. 1993.
15. Forrest Scott. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security/ ScottForrest // Northern Research Forum: Plenary on Security. – Yellowknife: NWT, 2004.
16. Bigo D. «Les Conflits Post Bipolaires: DynamiquesetCaractéristiques» /D.Bigo // *Cultures&Conflits*. – 1992. – №8. – P.3-14.
17. Bigo D. Sécurité(s): IntérieureetExtérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaiseprésentées à la 38th ISA conference) / D.Bigo // *Cultures &Conflits*. – 1997. – №5. – P. 23-27.
18. ЯкушенковС.Н. Спецификагетеротопийипроблемакультурнойбезопасности / С. Н. Якушенков // *ЕвразийскийСоюзУченых (ЕСУ)*. – 2016. – № 31,с.5-6
19. ШиряевВ. П. Культурная безопасность: круг проблем (к вопросу о методологии социологического исследования) / В. П. Ширяев // *Поиск: политика, искусство, обществоведение, социология, культура*. – 2010. №4(28). – С.8–18.
20. Абрамова Н.А.,Хатькова К.С. Восток и запад: к вопросу о культурной безопасности. / Н. А. Абрамова, К. С. Хатькова//*Сборник восточного центра*. – С. 121–124.
21. Грицков Ю.В.,Караченцева Т. Усложнение рисков как угрозы культурной безопасности / Ю. В. Грицков, Т. Караченцева// *Риск и безопасность. Социально-психологические аспекты*. – Екатеринбург: 2015. – С.70-74.
22. Крапивенский А. С., Коломок О. И., Зенина Н. В. Организациитерриториальногообщественногоуправлениякак социальный институтуправления региональнойкультурнойбезопасностью / А. С. Крапивенский, О. И. Коломок, Н. В. Зенина.Режим доступа:<https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз.рус.
23. IranpoorSara ,Rashidpoor Ali, Etebarian Akbar , FadaviMahbobe Sadat. Indicators of cultural security in field of information and communication technology with an emphasis on cultural development/SaraIranpoor, Ali Rashidpoor,AkbarEtebarian,Sadat FadaviMahbobe//*Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review*. – 2014. – Vol. 3, No.11.–С. 310-319.
24. SaroukhaniBagher, NaderiAfsarAfshari. The Study of Social-cultural Security in Tehran – Iran / BagherSaroukhani, AfsarAfshariNaderi // *International Journal of Business and Social Science* – 2013. -Vol. 4 No. 2. –С. 189-194.

References

1. Caldwell D., Williams R. E. Jr. Seeking Security in an Insecure World[] / D. Caldwell, R. E. Jr. Williams. – New York: Rowman& Littlefield Publishers, 2012.
2. YanovskijR. G. Global'nyeizmeneniya social'nayabezopasnost' [Global change and social security]/ R. G. YAnovskij. – Moskva: 1999

3. Perepelkin L. Gosudarstvennayanacional'nayapolitika i problemybezopasnosti v ehnticheskojsfere[State national policy and security issues in the ethnic field] / L. Perepelkin // Konflikt – dialog – sotrudnichestvo. 2000, (2). – S. 9–13.
4. Vozzhenikov A. V. i dr. Global'nyevyzovy, ugrozy i opasnostisovremennosti. Prioritetypolitikiobespecheniyanacional'nojbezopasnostiRossii[Global challenges, threats and dangers of today. The policy priorities of national security of Russia] / A. V. Vozzhenikov i dr. – Moskva: Rossijskayaakad. gos. sluzhbyPriPrezidentieRossijskojFederacii, 2008
5. Yanovskij R. G. Bezopasnost'. Globalistika: ehnciklopediya[Security. Global studies: encyclopedia] / R. G. Yanovskij. Moskva: 2003. – S. 63; Babosov E. M. Bezopasnost'. EHnciklopediyasociologii[Security. Encyclopedia of sociology] / E. M. Babosov. – Moskva: Knizhnyj Dom, 2003.
6. Molchanovskij V. F. Bezopasnost' – atributsocial'nojsistemy .[The security – attribute of the social system] / V. F. Molchanovskij // Analizsistemnaporoze 21-go veka: teoriya i praktika: materialymezhdunarodnojkonferencii- Moskva: Intellekt. 1997. – S. 170-177.
7. Serebryannikov V. V., Deryugin YU. I., Efimov N. N., Kovalev V. I. Bezopasnost' Rossiiarmiya[Russia's security and the army] / V. V. Serebryannikov, YU. I. Deryugin, N. N. Efimov, V. I. Kovalev. – Moskva: 1995. – S. 17, 63.
8. Zotova O. YU. Bezopasnost' Rossii[Russia's Security] / O. YU. Zotova // ZHivayapsihologiya – Rezhimdostupa: http://gosfc.ru/upload/media/journal_lp/01_Paper_LP_2014.pdf, svobodnyj. – Zaglavie s ehkrana. – YAz. rus.
9. Panarin S. A. Bezopasnost' kakistoriko-kul'turnayakategoriya[Safety as a historical and cultural category] / S. A. Panarin // Bezopasnost' naZapade, naVostoke i v Rossii: predstavleniya, koncepcii, situacii .materialymezhdunarodnojkonferencii: Moskva, 15–16 oktyabrya 2012 g. / [nauch. red. S. A. Panarin, D. I. Polyvyannyj]; Ivanovskijgos. un-t, In-t vostokovedeniya RAN. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2013. – 408 s.
10. Yurin A. N. K ponyatiyubezopasnost': kto i kakopredelyaetugrozusegodnya?[To the concept of security: who and how defines risk today?] / A. N. Yurin.: <http://regional-dialogue.com/ru/security/>, svobodnyj. – Zaglavie s ehkrana. – YAz. rus.
11. Albro Robert. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security / Robert Albro. – Rezhimdostupa: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>, svobodnyj. – Zaglavie s ehkrana. – YAz. rus.
12. Booth Ken. Security and Emancipation / Ken Booth // Review of International Studies. – 1991. – Vol. 17, No. 4. – R. 317.
13. Buzan Barry Wæver, Ole, De Wilde Jaap. Security: A New Framework for Analysis Lynne Rienner Publishers / Buzan Barry Wæver, Ole De Wilde Jaap. – 1998.
14. Weaver O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe / O. Weaver. 1993.
15. Forrest Scott. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security/ Scott Forrest // Northern Research Forum: Plenary on Security. – Yellowknife: NWT, 2004.
16. Bigo D. «Les Sonflits Post Bipolaires: DynamiquesetCaractéristiques» / D. Bigo // Cultures&Conflits. – 1992. – №8. – P. 3-14.
17. Bigo D. Sécurité(s): IntérieureetExtérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaiseprésentées à la 38th ISA conference) / D. Bigo // Cultures & Conflits. – 1997. – №5. – P. 23-27.
18. Yakushenkov S. N. Specifikageterotopij i problemakul'turnojbezopasnosti[The specificity of heterotopias and the problem of cultural security] / S. N. Yakushenkov // Evrazijskij Soyuz Uchenyh (ESU). – 2016. – № 31.
19. Shiryayev V. P. Kul'turnayabezopasnost': krug problem (k voprosu o metodologii sociologicheskogoissledovaniya)[Cultural safety: a range of issues (the question of methodology of sociological research)] / V. P. Shiryayev // Poisk: politika, iskusstvo, obshchestvovedenie, sociologiya, kul'tura. – 2010. №4(28). – S. 8-18.
20. Abramova N. A., Hat'kova K. S. Vostok i zapad: k voprosu o kul'turnojbezopasnosti.[East and West: the issue of cultural security.] / N. A. Abramova, K. S. Hat'kova // Sbornikvostochnogocentra. – S. 121.
21. Grickov Y. V., Karachenceva T. Uslozhenieriskovkakugrozukul'turnojbezopasnosti[The complication risk as a threat to cultural security]/ YU. V. Grickov, T. Karachenceva // Risk i bezopasnost'. Social'no-psihologicheskiespekty. – Ekaterinburg: 2015. – S. 70-74.
22. Krapivenskij A. S., Kolomok O. I., Zenina N. V. Organizacii territorial'nogo obshchestvennogosamoupravleniyakaksocial'nyj institut upravleniyaregional'noj kul'turnojbezopasnost'y[u] [The organization of territorial public self-government as a social institution Department of regional cultural

security] / A. S. Krapivenskij, O. I. Kolomok, N. V. Zenina.Rezhimdstupa: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf>,svobodnyj. – Zaglavie s ehkrana. – YAz. rus.

23.IranpoorSara ,Rashidpoor Ali, Etebarian Akbar , FadaviMahbobe Sadat. Indicators of cultural security in field of information and communication technology with an emphasis on cultural development / Sara Iranpoor, Ali Rashidpoor, Akbar Etebarian, Sadat FadaviMahbobe // Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review. – 2014. – Vol. 3, No.11. – S. 310-319.

24.SaroukhaniBagher, NaderiAfsarAfshari. The Study of Social-cultural Security in Tehran – Iran / BagherSaroukhani, AfsarAfshariNaderi // International Journal of Business and Social Science – 2013. – Vol. 4 No. 2. – S. 189-194.

«АСТРАХАНЬ – ЧЁРНАЯ ИКРА» Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА: ФИЛОСОФИЯ ПЕЙЗАЖА

Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

В статье выявляются функции описаний природного антропогенного ландшафтов в «записках путешественника», созданных Ф.Н. Горенштейном после поездки в Астрахань. Подчёркивается, что автор настаивает на документальности своих записей. Определяется жанр произведения – травелог. Доказывается важность оппозиции «свой» – «чужой» в повести, чередования европейских зарисовок с азиатскими. Утверждается, что писатель намеренно вычлняет элементы разнородных культур: он на примере Астрахани стремится идентифицировать сложную природу национального в современной России. Далее анализируются впечатления рассказчика. Поначалу писателем нагнетается напряжение, указывается на бесплодность почвы, звуки пожара, вездесущую пыль. В пейзажах обнаруживается инфернальный образный ряд: адская жара, раскалённый мост, высохшая речка, похожая на скелет. Вечерняя Волга вызывает у путешественника первобытный страх: тяжёлое солнце, серо-чёрная вода, запах гнили. Дневной зной противопоставляется ночному холоду, слепящий свет – непроглядной тьме, сухой шелест – влажному шлёпанью. Неизменными остаются дискомфорт, тревога, алиентация. После «инициации» гостя – поедания сазаньей головы – позитивных впечатлений у него становится больше. Столичный гость с удовольствием бродит по историческим районам города. Значимо помещённое далее сравнение волжских деревенок с мещанской Астраханью. И противопоставление этих мест «совершенно азиатской» Бирючьей Косе. В изображении дельты знаменателен следующий факт: сушь и сырость, разведённые на два полюса в начале повести и одинаково опасные, теперь гармонично сочетаются, уравновешиваясь. Последняя из запечатлённых в заповеднике картин называется автором статьи кульминационной, местная природа на удивление ласкова к рассказчику. Привкус пыли на губах при прощании с городом, словно последний поцелуй. В финальных зарисовках с московской улицы, как в кривом зеркале, отражается увиденное в Астрахани.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн, социокультурная гетерогенность, российская нация, травелог, этнографизм, пейзаж, алиентация, инициация, динамика действия, символ, художественная деталь

F.N. GORENSTEIN'S «ASTRAKHAN – BLACK CAVIAR»: PHILOSOPHY OF LANDSCAPE

Zavyalova ElenaE., D.Sc. (Philology)
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str. Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

The article reveals the functions of descriptions of the natural and anthropogenic landscapes in "traveler's notes" created by F.N. Gorenstein after a trip to Astrakhan. The importance of the opposition "own" – "alien" in the story, alternating European sketches with Asian ones, is proved. It is alleged that the writer intentionally isolates elements of diverse cultures: he tries to identify the complex nature of the national in modern Russia by the example of Astrakhan. Further, the impressions